

Андрей Валерьевич Скоробогатов

*Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского юридического института (филиала) Российской
правовой академии Министерства юстиции Российской
Федерации, доктор исторических наук, доцент
E-mail: askorobogatov@rambler.ru*

Александр Валерьевич Краснов

*Доцент кафедры теории и истории права
и государства Казанского филиала Российской академии
правосудия, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: field08@mail.ru*

Правовая реальность России в постклассической парадигме

***Аннотация:** статья посвящена исследованию правовой реальности современной России. На основе постклассической методологии доказывається, что правовая реальность России состоит из трех уровней: правотворчество, право-реализация, правовое поведение. Определяющим уровнем правовой реальности является правовое поведение, которое ориентировано на соблюдение неписаного права. Правовая реальность России характеризуется трансгрессивным состоянием современного российского общества, выражающимся в широком распространении незаконотворительных (неправовых) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме.*

Ключевые слова: правовая реальность, правовой опыт, правовой идеал, неписанное право.

Andrej Valer'evich Skorobogatov,

Professor of the State and Law Department of the Kazan Juridical Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Doctor of Historical Science, Associate Professor

Aleksandr Valer'evich Krasnov

Associate Professor of the Law Theory and History of the Kazan Institute (branch) of the Russian Academy of Justice, Candidate of Juridical Science, Associate Professor

Legal Reality in Russia Through Post-Classical Paradigm

Annotation: *the paper is dedicated to the research of legal reality in modern Russia. The authors demonstrate that Russian legal reality consists of 3 levels: law-making, law-enforcement, and legal behavior. Legal behavior is determining level of the legal reality, because it is oriented on compliance with non-enacted law. Legal reality in Russia is characterized by intersecting condition of modern society expressed through wide spread of non-legislative (lawless) practices, low level of the normative legal culture, legal nihilism, and legal infantilism.*

Keywords: *legal reality, legal experience, legal ideal, non-enacted law.*

Правовая реальность¹ России, сформированная в 1990-е гг., характеризуется противоречивостью. В царской России и Советском Союзе характер правовой реальности обеспечивался наличием официальной идеологии, которая соединяла в себе право и социальную справедливость. Однако Конституция РФ запретила создание единой политической идеологии и тем самым создала возможность для формирования правовых норм, совершенно не связанных с социальной справедливостью в ее традиционном российском понимании. Главным при создании законодательства становилось позиционирование России как части западной цивилизации, демократического государства. В основу правового регулирования легла не потребность общества, а западные правовые модели, хотя и рецепированные с существенным искажением. При этом государство не имело достаточно эффективного механизма правового регулирования в связи с преодолением советского прошлого и негативным отношением к нормативизму (без учета соответствия этой доктрины российским правовым традициям). Итогом этого стало существенное ослабление государства и власти, которая рассматривалась не как надобщественное явление, а как часть общества, что обусловило всеобщее недовольство политической властью и массовые проявления социального протеста.

Правовая реальность способна влиять на правосознание до тех пор, пока действительная справедливость (закрепленная в нормативных правовых актах)

---

¹ Правовую реальность вслед за С. И. Максимовым мы понимаем в широком смысле как многоуровневую систему правовых феноменов, автономную метасоциальную реальность, смысловым выражением которой является взаимное долженствование во взаимодействии субъектов (см.: Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 45).

остаётся тождественной понятию справедливости (образу социальной справедливости). Как только тождество перестаёт быть таковым, правосознание начинает противодействовать правовой реальности и при определенных условиях оказывается способным менять ее качественно¹.

В предшествующий период формирование понимания права в обыденном правосознании преимущественно определялось государственной деятельностью, которая поддерживалась институтами, отвечающими за идеологию (церковь и коммунистическая партия). Основной задачей становилось не только включение индивида в правовую реальность, но и придание его действиям максимально правомерного характера, что обеспечивалось формированием в правосознании убеждения в необходимости осуществления единственно правильного и возможного варианта поведения, закрепленного в нормативных правовых актах и соответствующего социальной справедливости в ее идеологическом выражении. Реализация этих правил гарантировала правомерное поведение отдельному индивиду и достижение правопорядка для всего общества. Одновременно индивид закладывал основы для своего личного и общественного благосостояния в будущем.

В 1990-е гг. формируется совершенно новый правовой менталитет, представляющий собой синтез правовой памяти и ментального компонента правового опыта. В обыденном правосознании сформировался образ права, который не соответствует официальному. Провозглашенный государством плюрализм воспринимался не как его сила, а как слабость, неспособность правовыми средствами создать условия достойного существования человека. Заявленное же равенство возможностей в сочетании с традиционным представлением о корреляции власти и богатства лишь усиливало негативный настрой ко всем проводимым государством мероприятиям, в том числе и в области права.

Отсутствие достаточно эффективного механизма правового регулирования привело к принятию нормативных правовых актов, которые не были реализованы на практике, поскольку не соответствовали социальным представлениям о справедливости, а государство не имело достаточно воли для их принудительной реализации. Как пытаются объяснить указанные обстоятельства некоторые представители депутатского корпуса России, в ряде законодательных актов изначально закладывался абсолютный идеализм, вызванный желанием продемонстрировать демократические перемены в законодательстве: как итог, появлялась «демократичная», но не работающая норма, не учитывающая реальную ситуацию².

В итоге это привело к возникновению совершенно нового правового идеала³, в котором место должного, идеального поведения, основанного на нормативном

---

¹ См.: *Максуров А. А.* Юридический опыт как компонент координационной юридической практики. URL: <http://www.maksurov.ru/science/25.php> (дата обращения: 27.12.2013).

² См.: *Шкель Т.* Ясно, с переменной облачностью. Владимир Плигин определил погоду в Думе // Российская газета. 2013. 15 июля. С. 2.

³ О соотношении понятий «правовой идеал» и «правовая реальность» подробнее см.: *Рожкова А. К.* Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. 2010. № 6. С. 164–168.

эталоне, постепенно заменило сущее, ориентированное на получение материального блага «здесь и сейчас», без учета последствий и соответствия действий правовой норме. В правовой реальности получили распространение различные проявления незаконодательных (неправовых в понимании государства) практик, ставшие основным средством регулирования общественных отношений. Для гражданина важно не то, насколько его действия соответствуют закону, являются объективно справедливыми, а то, насколько они соответствуют представлениям о «правильном», субъективно справедливом в том обществе или социальном сообществе, членом которого он является. Широко распространились проявления правового нигилизма и правового инфантилизма, как в среде «обывателей», так и в среде государственных служащих, в том числе представителей правоохранительных органов. Хотя подобные практики существовали и ранее, они являлись лишь исключением и не влияли на характер правовой реальности. Теперь же именно незаконодательные практики стали определяющим фактором. В социальной среде сформировалось крайне негативное отношение к правовым нормам, издаваемым государством. Законы, которые не соответствовали представлениям о социальной справедливости и не были реализованы на практике в силу отсутствия эффективного механизма правового регулирования, стали восприниматься как единственный вариант государственного законодательства. В правовой реальности современной России закон, изданный государством, воспринимается как «плохой», «неправильный», и совершенно необязательно его читать, чтобы в этом убедиться. Противопоставление закона и справедливости дополнительно подчеркивают судебные шоу и криминальные сериалы, убеждающие граждан, что поступить «правильно» (т. е. в интересах гражданина) можно только по справедливости, а закон это не позволяет.

Разрыв правовых и так называемых фактических общественных отношений становится очевидным. Последние предопределяются целями, интересами социальных групп, индивидов и организаций, при этом факт принятия официальной юридической нормы не есть достаточное условие действия права в обществе¹.

Ослабление роли государства в правовой социализации граждан в 1990-е гг. привело к разрыву доктринального и профессионального правопонимания и обыденного понимания права. С одной стороны, гуманитарные науки занялись поиском принципиально нового типа правопонимания, который мог бы адекватно объяснить правовую систему России в контексте взаимосвязи правотворчества и правоприменения и с учетом конституционного равенства трех конкурирующих правовых доктрин: естественноправовой, нормативистской и юридино-социологической. С другой стороны, правоприменитель, пользуясь слабостью государства, стал основывать свою деятельность не только и не столько на юридической норме, сколько на удовлетворении своих собственных (нередко корыстных) интересов.

Традиционная черта российской правовой культуры — вертикальный перенос ответственности — также претерпела существенные изменения. Гражданин по-прежнему уверен, что при наличии субъекта, который выше

¹ См.: Юридическая социология : учеб. пособие / В. А. Глазырин и др. Екатеринбург, 1999. С. 408.

его по авторитету или по положению, именно он должен решить его проблему, а следовательно, можно отказаться от ее решения, возложив ответственность на указанного субъекта. Однако, если в 1990-е гг. таким субъектом выступали неформальные лидеры, то в 2000-е гг. — представители государства. Но и в том и в другом случае граждане уверены, что решение их вопроса невозможно осуществить без определенного подношения (взятки).

Ситуация стала несколько меняться в последние годы, когда государство, осознав проблемы правовой реальности, предприняло ряд мер, направленных на преодоление негативных явлений, получивших распространение в обществе. Во-первых, правовое воспитание приобретает целенаправленный характер, будучи призванным сформировать российскую гражданскую идентичность. Во-вторых, борьба с коррупцией перестает носить характер «кампанейщины» и становится одним из ведущих направлений правовой реформы. В-третьих, в СМИ появляются материалы, направленные на формирование уважения к государству, правотворцам и правоприменителям. В совокупности это может способствовать формированию нового правового идеала и новой правовой реальности.

Для российского правового менталитета характерным является обращение к установкам, идущим от представителей государственной власти. Официальная оценка состояния правовой системы, однако, в данный период не свободна от противоречий. С одной стороны, признается, что в обществе существует недопонимание права, вызванное, во-первых, незнанием Конституции РФ, во-вторых, нигилистическим отношением к праву, в-третьих, низким качеством законов; в качестве особенности отечественного права названо «наличие идеалистических представлений о нем и его пределах действия, забвение прямой связи с эффективностью других социальных регуляторов»¹. По нашему мнению, в данном случае имеет место смешение причин и следствий. Скажем, правовой нигилизм усиливается низким качеством законодательства, неспособностью государства реализовать его на практике. Недопонимание права на самом деле может выражаться не в отсутствии уважения к идеалам правового государства, а в принудительном навязывании обществу тех правовых моделей, которые для него не были характерны, формировались в других условиях, при другом правовом общественном менталитете и противоречат сложившейся правовой реальности. Идеалистические представления о праве, в свою очередь, на наиболее аргументированном и доктринально обоснованном уровне выражены в представлениях парламентариев и (или) ученых-юристов, что может выступать причиной непонимания истинной правовой реальности и, как следствие, искажения этой реальности в сознании соответствующих субъектов.

Следует полностью согласиться с тем, что правовой закон должен соответствовать общепринятому пониманию справедливости, нормам общественной морали². Главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, насколько глубоко правовой закон должен вдаваться в сложившееся понимание справедливости.

¹ *Нарышкин С. Е.* Верховенство права и развитие России. К 20-летию Основного Закона и парламента России // *Российская газета*. 2013. 12 нояб. С. 1.

² См.: Там же.

Перед законодателем стоит сложная диалектически противоречивая задача — попытаться «подтянуть» общество к определенному идеалу, учитывая одновременно существующую практику применения права, а также правовой менталитет. Если последний отрицает предлагаемый идеал, конфликтная ситуация в обществе неизбежна, как она может быть неизбежна и при искажении этого идеала на практике, когда в нормах права провозглашается одно, а в действительности складываются совершенно иные правила поведения. Скажем, та же Конституция России может быть понята не только исходя из ее духа, процессов ее реализации, складывающихся механизмов взаимодействия государственных органов, фактически принимаемых политических решений¹, но и с учетом того обстоятельства, какой баланс интересов разных социальных групп в ней заложен и насколько ее идеалы способны вписаться в правовой менталитет, трансформируя его в заданном исходными конституционными нормами направлении.

Рассматривая правовую реальность России феноменологически², можно выявить еще одно отличие прежней и нынешней реальности. В дореволюционной России и Советском Союзе правовая реальность была представлена двумя уровнями: правотворчество (как совокупность действий законодателя, направленных на формирование правопорядка и режима законности и корпуса нормативных документов) и правореализация (как совокупность действий индивидов и уполномоченных лиц по реализации нормативных установлений и комплекс документов, созданных в ходе и в результате этих действий). Право в его нормативной, законодательной форме при этом выступало интеграционной основой правовой реальности, связующим компонентом всех ее уровней и элементов. Основанность права на доктрине, в значительной степени связанной с религиозными и моральными трактовками справедливости, обуславливала не только взаимосвязь писаного права и справедливости (неписаного права), но и их взаимодополняющие роли в социальном регулировании.

В правовой реальности современной России, наряду с указанными уровнями, присутствует также третий уровень — правовое поведение, т. е. поведение, которое соответствует социальным представлениям о справедливости. При этом для индивида совершенно неважно, насколько эти «правильные действия» соответствуют или противоречат «плохому» законодательству. Таким образом, право перестало быть интеграционной основой правовой реальности, которая в силу разорванности права и справедливости приобрела трансгрессивный, мозаичный характер.

На формирование столь своеобразного социального поведения российских граждан влияет также индивидуальный (выражаемый в знаниях, умениях, привычках) и наиндивидуальный правовой опыт (выраженный в конкретных правовых ситуациях и их нормативном закреплении)³. В силу широкого распространения в обществе негативного отношения к закону гражданин воспринимает в качестве правовых лишь те действия и отношения, которые изначально

¹ См.: *Медведев Д. А.* 20 лет: путь к осознанию права // *Российская газета*. 2013. 11 дек. С. 1.

² См.: *Иконникова Г. И., Лященко В. П.* Основы философии права. М., 2007. С. 120.

³ Подробнее см.: *Тимофеев А. В.* Юридический опыт проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

носят конфликтный характер: задержание полицией, обращение в суд и т. д. В то же время действия по реализации права, которые носят неконфликтный характер, не воспринимаются в качестве правовых. Их правильность определяется не соприкосновением с законом, а соответствием социальной справедливости (неписанному праву).

Нельзя не отметить то обстоятельство, что уровень «правового» поведения также получает определенную структуризацию по подуровням. Неоднородность современного российского общества, разделение его по социальным, национальным и иным критериям приводит к наличию целого спектра систем неписаных правил «правового» поведения — система правил для обывателей, система для чиновников, система в рамках преступных сообществ и пр. Нужно помнить, что система родовых норм, которыми руководствуются, скажем, выходцы из южных республик и мигранты, также вступает во взаимодействие с существующей правовой реальностью. В свою очередь, такие представления о должном поведении сталкиваются при взаимодействии членов разных социальных групп между собой, вызывая конфликты, а в перспективе могут привести к серьезным социальным потрясениям, т. к. единый критерий «правильности» поведения в виде позитивного права или официальной идеологии на данный момент отсутствует.

Имеющее место «утроение» уровней правовой реальности перекликается с проблематикой правопонимания, а также уяснением содержания категории «неправо». Вопрос о том, к каким уровням правовой реальности должно относиться право, по-разному решается в концепциях правопонимания. Не вдаваясь в подробное исследование соответствующих научных позиций, отметим, что на современном этапе наиболее последовательное видение разных сторон права можно обнаружить прежде всего в интегративной концепции права, пытающейся соединить, как минимум, законодательство и практику его применения. Третий же уровень правовой реальности вообще редко замечается учеными, не говоря уже о включении его в понятие права.

В гегелевском понимании неправо изначально понималось как видимость права в трех видах: непреднамеренное неправо, когда субъекты имеют неправильное представление о своих правовых возможностях; прямой обман и преступление¹. В фокусе нашего внимания находится неправо в первом значении (юридическое заблуждение). Является ли ментальное представление о справедливости, о должных правомочиях неправом, антиправом? Или же оно показывает глубинные архетипы правового сознания? Дело в том, что если отнести третий уровень правовой реальности к неправу, то получается, что этот уровень отрицает предыдущие, негативно влияет на них. Однако вообще каковы критерии отнесения тех или иных представлений к правовым или неправовым? Вполне возможно, что ответ на указанный вопрос следует искать в антрополого-правовых исследованиях, когда в центре правовой жизни оказывается не позитивное право и официальные идеологические правовые установки, а человеческий фактор, восприятие тех или иных норм в качестве правовых, способность воспроизводить их в повседневном поведении.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 137–154.

Встречаются предложения выделять наряду с полем юридических прав поле фактических прав, которые могут не просто противоречить первым, а по существу подрывать, сводить их реализацию к минимуму¹. Кроме того, известна и идея вычленения так называемого теневого права². Указанные факты правовой и социальной жизни особенно заметно оттеняются на фоне победных официальных установок о движении к правовому государству и гражданскому обществу.

Кроме того, к неправу предлагается относить правовые позиции судов, индивидуально-правовые прецеденты судебного толкования и договоры, которые дополнительно регулируют отношения на основе и в пределах принципов и норм права³. Думается, при такой научной позиции даже обозначенный нами второй уровень правовой реальности оказывается включенным в понятие неправы. Получается, что перечисленные явления не носят правового характера, выходят за рамки правового поля, что, как нам кажется, скорее говорит о позитивистской трактовке права. Следствием такого подхода может явиться очередное противопоставление права писаного, позитивного, не только с фактическими отношениями, но и с правовой практикой. Если же в указанной работе ставится задача противопоставления нормативного и индивидуального регулирования, то, думается, использование термина «неправо» в данном случае представляется крайне неудачным, т. к. индивидуальное регулирование с помощью указанных средств основывается на нормах и принципах права, предполагает оснащённость именно юридическим инструментарием. Непонятным в таком случае выглядит и соотношение социального регулирования с правовым.

Указанный вопрос о соотношении правовой реальности с так называемым неправом, по нашему мнению, является принципиальным как для юридической науки, так и для общественной и юридической практики. Включение в число критериев научности ценностных моментов, указание на то, что наука должна учитывать возможные результаты правовых реформ, состояние общества — казалось бы, факт, свидетельствующий об использовании постклассической рациональности, обновлении науки. Однако общее методологическое оснащение науки, как показывает практика анализа научных работ, нередко остается на прежнем уровне, что вызывает противоречия в самой науке по поводу осмысления правовой реальности⁴. Сугубо формально-юридический подход к конструированию правовой реальности в разрезе хотя и не признаваемой официальной, но фактически ею являющейся идеологии правового государства и гражданского общества, возобладавший в отечественной юридической науке в 1990-е гг. и сохраняющийся по настоящий момент, в качестве последствий имел предложения по реформированию главным образом законодательства и государственных структур. Такого

¹ См.: *Юридическая социология : учебное пособие / В. А. Глазырин и др.* Екатеринбург, 1999. С. 121–123.

² См.: *Саянов Ф. М.* Введение в правовое государство. Уфа, 1994. С. 47.

³ См.: *Ершов В. В.* Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики // *Российское правосудие.* 2013. № 1. С. 24–31.

⁴ См.: *Честнов И. Л.* Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004. С. 13–20.

рода реформы быстро исчерпали себя, тогда как другие компоненты правовой реальности остались незатронутыми, и, как следствие, заявленные цели во многом не были достигнуты¹.

Изучение «околоправовых» проблем неписаного права на данном этапе развития российского общества и правовой системы представляется чрезвычайно актуальным в силу прямой их связи с эффективностью правового регулирования. Нормальную реализацию права можно наладить лишь в том случае, если содержание материальных, а также процедурных и процессуальных норм права (или, как минимум, их официальное толкование) будет каким-то образом учитывать сложившиеся общественные отношения и представления о должном, бытующие в широких кругах общества. Идея о том, что право должно постоянно «подтягивать» общество до определенного уровня, с одной стороны, кажется прогрессивной, а с другой — она упускает из виду консерватизм правового сознания и, что более опасно, исходит априори из приоритета определенной правовой модели над другой (следует обратить внимание, что исключительность модели западной демократии была подвергнута критике со стороны Президента РФ²).

Таким образом, правовая реальность России характеризуется трансгрессивным состоянием современного российского общества, выражающимся в широком распространении незаконодательных (неправовых) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме на общесоциальном, коллективно-групповом и индивидуальном уровнях. Сформировавшиеся правовой идеал и правовой опыт ориентируют на решение коллизий и достижение бесконфликтного сосуществования не на основе установленной государством правовой нормы, а путем применения правил социальной справедливости (неписаного права).

Пристатейный библиографический список

1. Максимов, С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. — Харьков : Право, 2002. — 326 с.
2. Рожкова, А. К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. — 2010. — № 6. — С. 164–168.
3. Тимофеев, А. В. Юридический опыт: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Тимофеев. — Владимир, 2008. — 25 с.
4. Честнов, И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права / И. Л. Честнов. — СПб. : СПбИВЭСЭП, 2004. — 64 с.
5. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. — 265 с.

References

1. Maksimov, S. I. *Pravovaja real'nost': opyt filosofskogo osmyslenija* [Legal Reality: Experience of Philosophical Comprehension] / S. I. Maksimov. — Nar'kov: Pravo, 2002. — 326 p.

¹ См.: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 40–41.

² См.: Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 27.12.2013).

---

2. Rozhkova, A. K. Pravovaja real'nost' i pravovoj ideal: tochki soprikosnovenija [Legal Reality and Legal Ideal: Things in Common] // Izvestija IGJeA. – 2010. – № 6. – P. 164–168.

3. Timofeev, A. V. Juridicheskij opyt: problemy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Judicial Experience: Practice and Study Issues : thesis of Cand. Of Jurudical Science] / A. V. Timofeev. – Vladimir, 2008. – 25 p

4. Chestnov, I. L. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava. Jepistemologija gosudarstva i prava [Topical Questions of State and Law Study] / I. L. Chestnov. – SPb.: SPbIVJeSJeP, 2004. – 64 p

5. Tarasov, N. N. Metodologicheskie problemy juridicheskoi nauki [Methodological Prolems of Juridical Science] / N. N. Tarasov. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001. – 265 p.